

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

Попытка к бегству

Аркадий и Борис Стругацкие

Попытка к бегству

«Наследник Стругацких»

«Автор»

1962

Стругацкие А.

Попытка к бегству / А. Стругацкие — «Наследник Стругацких»,
«Автор», 1962

«Попытка к бегству». Первое из произведений братьев Стругацких, в котором «пересеклись Прошлое, Настоящее и Будущее», возникла тема Прогрессоров и тема этической состоятельности вмешательства высокоразвитой цивилизации в развитие цивилизации нижестоящей.

© Стругацкие А., 1962

© Наследник Стругацких, 1962

© Автор, 1962

Содержание

I	5
II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Аркадий и Борис Стругацкие

Попытка к бегству

I

– Хороший сегодня будет день! – сказал вслух Вадим.

Он стоял перед распахнутой стеной, хлопывая себя по голым плечам, и глядел в сад. Ночью шел дождь, и трава была мокрая, кусты были мокрые, и крыша соседнего коттеджа тоже была мокрая. Небо было серое, а на тропинке блестели лужи. Вадим подтянул трусы, прыгнул в траву и побежал по тропинке. Глубоко, с шумом вдыхая сырой утренний воздух, он бежал мимо отсыревших шезлонгов, мимо мокрых ящиков и тюков, мимо соседского палисадника, где, выставив напоказ внутренности, красовался полуразобранный «колибри», через мокрые, пышно разросшиеся кусты, между стволами мокрых сосен; не останавливаясь, прыгнул в озерцо, выбрался на противоположный берег, поросший осокой, а оттуда, разгоряченный, очень довольный собой, все наращивая темп, помчался обратно, перепрыгивая через огромные спокойные лужи, распуская маленьких серых лягушек, прямо к лужайке перед Антоновым коттеджем, где стоял «Корабль».

«Корабль» был совсем молодой, ему не исполнилось и двух лет. Черные матовые его бока были абсолютно сухи и едва заметно колыхались, а острая вершина была сильно наклонена и направлена в ту точку серого неба, где за тучами находилось солнце: «Корабль» по привычке набирал энергию. Высокая трава вокруг «Корабля» была покрыта инеем, поникла и пожелтела. Впрочем, это был приличный, тихого нрава звездолет типа «турист». Рейсовый рабочий звездолет за ночь выморозил бы весь лес на десять километров вокруг.

Вадим, оскальзываясь на поворотах, обежал «Корабль» и направился домой. Пока он, стеной от наслаждения, растирался мохнатым полотенцем, из дачи напротив вышел сосед дядя Саша со скальпелем в руке. Вадим помахал ему полотенцем. Соседу было полтора года, и он день-деньской возился со своим вертолетом, но все было втуне – «колибри» летал неохотно. Сосед задумчиво поглядел на Вадима.

– У тебя нет запасных биоэлементов? – спросил он.

– Что, сгорели?

– Не знаю. У них ненормальная характеристика.

– Можно связаться с Антоном, дядя Саша, – предложил Вадим. – Он сейчас в городе.

Пусть привезет вам парочку.

Сосед подошел к вертолету и стукнул его скальпелем по носу.

– Что же ты не летаешь, дурачок? – сказал он сердито.

Вадим принялся одеваться.

– Биоэлементы... – ворчал дядя Саша, запуская скальпель во внутренности «колибри». – Кому это надо? Живые механизмы... Полуживые механизмы... Почти неживые механизмы... Ни монтажа, ни электроники... Одни нервы! Простите, но я не хирург. – Вертолет дернулся. – Тихо ты, животное! Стой смирно! – Он извлек скальпель и повернулся к Вадиму. – Это негуманно наконец! – объявил он. – Бедная испорченная машина превращается в сплошной больной зуб! Может быть, я слишком старомоден? Мне ее жалко, ты понимаешь?

– Мне тоже, – пробормотал Вадим, натягивая рубашку.

– Что?

– Я говорю: может быть, вам помочь?

Дядя Саша некоторое время переводил взгляд с вертолета на скальпель и обратно.

– Нет, – сказал он решительно. – Я не желаю применяться к обстоятельствам. Он у меня будет летать.

Вадим сел завтракать. Он включил стереовизор и положил перед собой «Новейшие приемы выслеживания тахоргов». Книга была старинная, бумажная, читаная-перечитаная еще дедом Вадима. На обложке был изображен пейзаж планеты-заповедника Пандоры с двумя чудовищами на первом плане.

Вадим ел, листая книжку, и с удовольствием поглядывал на хорошенькую дикторшу, рассказывавшую что-то о боях критиков по поводу эмоциализма. Дикторша была новая, и она нравилась Вадиму уже целую неделю.

– Эмоциализм! – со вздохом сказал Вадим и откусил от бутерброда с козьим сыром. – Милая девочка, ведь это слово отвратительно даже фонетически. Поедем лучше с нами! А оно пусть остается на Земле. Оно наверняка умрет к нашему возвращению – можешь быть уверена.

– Эмоциализм как направление обещает многое, – невозмутимо говорила дикторша. – Потому что только он сейчас дает по-настоящему глубокую перспективу существенного уменьшения энтропии эмоциональной информации в искусстве. Потому что только он сейчас...

Вадим встал и с бутербродом в руке подошел к распахнутой стене.

– Дядя Саша, – позвал он, – вам ничего не слышится в слове «эмоциализм»?

Сосед, заложив руки за спину, стоял перед развороченным вертолетом. «Колибри» трясся, как дерево под ветром.

– Что? – сказал дядя Саша, не оборачиваясь.

– Слово «эмоциализм», – повторил Вадим. – Я уверен, что в нем слышится похоронный звон, видится нарядное здание крематория, чувствуется запах увядших цветов.

– Ты всегда был тактичным мальчиком, Вадим, – сказал старик со вздохом. – А слово действительно скверное.

– Совершенно безграмотное, – подтвердил Вадим, жуя. – Я рад, что вы это тоже чувствуете... Послушайте, а где ваш скальпель?

– Я уронил его внутрь, – сказал дядя Саша.

Некоторое время Вадим разглядывал мучительно трепещущий вертолет.

– Вы знаете, что вы сделали, дядя Саша? – сказал он. – Вы замкнули скальпелем дигестальную систему. Я сейчас свяжусь с Антоном, пусть он привезет вам другой скальпель.

– А этот?

Вадим с грустной улыбкой махнул рукой.

– Смотрите, – сказал он, показывая остаток бутерброда. – Видите? – Он положил бутерброд в рот, прожевал и проглотил.

– Ну? – с интересом спросил дядя Саша.

– Такова в наглядных образах судьба вашего инструмента.

Дядя Саша посмотрел на вертолет. Вертолет перестал вибрировать.

– Все, – сказал Вадим. – Нет больше вашего скальпеля. Зато «колибри» у вас теперь заряжен. Часов на тридцать непрерывного хода.

Сосед пошел вокруг вертолета, бесцельно трогая его за разные части. Вадим засмеялся и вернулся к столу. Он доедал второй бутерброд и допивал второй стакан простокваши, когда щелкнул замок информатора и тихий, спокойный голос сказал:

– Вызовов и посещений не было. Антон, уходя в город, желает доброго утра и предлагает немедленно после завтрака начать отрешение от всего земного. В институт поступило девять новых задач...

– Не надо подробностей, – попросил Вадим.

– ...Задача номер девятнадцать пока не решена. Пэл Минчин доказала теорему о существовании полиномиальной операции над Ку-полем структур Симоняна. Адрес: Ричмонд, семнадцать-семнадцать-семь. Все.

Информатор щелкнул, помолчал и добавил поучающе:

– Завидовать дурно. Завидовать дурно.

– Балбес! – сказал Вадим. – Я совершенно не завидую. Я радуюсь! Молодчина, Пэл! – Он задумался, глядя в сад. – Нет, – сказал он. – Сейчас все это долой. Надо отрешаться от земного.

Он швырнул грязную посуду в мусоропровод и вскричал:

– На тахоргов! Украсим кабинет Пэл Минчин – Ричмонд, семнадцать-семнадцать-семь – черепом тахорга!

И он спел:

Пусть тахорги в страхе воят,
Издавая визг и писк!
Ведь на них идет войною
Структуральнейший лингвист!

– Теперь так, – сказал Вадим. – Где радиодфон? – Он набрал номер. – Антон? Как дела?

– Стою в очереди, – ответил Антон.

– Что ты говоришь? И все на Пандору?

– Многие. И кто-то распространяет слух, что охота на тахоргов скоро будет запрещена.

– Но мы-то успеем?

Антон некоторое время молчал.

– Успеем, – сказал он.

– А девушки там рядом есть?

– Как не быть...

– А они тоже успеют?

– Сейчас спрошу... Они говорят, что успеют.

– Передай им привет от знакомого структурального лингвиста шести футов росту, с благородной осанкой... Слушай, Антон, что я хотел тебе сказать? Да! Привези, пожалуйста, дяде Саше скальпель. И пару «БЭ-6». И заодно «БЭ-7».

– И заодно новый вертолет, – сказал Антон. – Что этот старец сделал со своим скальпелем?

– Ну как ты думаешь, что можно сделать со скальпелем?

– Не знаю, – сказал Антон, подумав. – Скальпель – это вещь на века. Как Баальбекская платформа.

– Он уронил его в желудок своему «колибри».

В радиодфоне захихикало несколько голосов. Очередь развлекалась.

– Ладно уж, – сказал Антон. – Жди, я скоро буду. Будь моим суперкарго и начинай погрузку.

Вадим сунул радиодфон в карман и прикинул через три комнаты расстояние до выхода.

– Дух ног слаб, – процитировал он, – рук мощь зла!

Он встал на руки и живо побежал к выходу. На крыльце он сделал сальто и с криком «У-ух!» упал на четвереньки в траву перед крыльцом. Поднявшись и почистив руки, он произнес с выражением:

На войне и на дуэли
Получает первый приз —
Символ счастья и веселья —
Структуральнейший лингвист.

Затем он неторопливо отправился в аллею, где были свалены тюки и ящики. Груза было довольно много. Надо было везти с собой оружие, боеприпасы, запас пищи, одежду – отдельно для охоты и отдельно, чтобы посетить знаменитое кафе «Охотник» на плоской вершине Эверрины, где между столиками вольно гуляет пряный ветер, а под обрывом на трехсотметровой глубине громоздятся, подобно грозovým тучам, непроходимые черные заросли; где исполосованные колючками охотники с хохотом осушают пузатые фляги «Крови тахорга» и вывихивают себе плечи в тщетных попытках показать, какой череп они могли бы добыть, если бы знали, с какой стороны у карабина приклад; где в темно-зеленых сумерках пары скользят на усталых ногах в «Светлом ритме», а над хребтом Смелых поднимаются в беззвездное небо зыбкие сплюсненные луны.

Вадим присел на корточки спиной к самому тяжелому ящику, приладился и рывком поднял ящик на плечи. В ящике было оружие – три автоматических карабина с прицелами для стрельбы в тумане и шесть сотен патронов в плоских пластмассовых обоймах. Пружина при каждом шаге, Вадим понес ящик через сад к «Кораблю». Он зашел со стороны приемника и пнул ногой в борт. Мембрана, затягивавшая овальный люк, лопнула, и Вадим свалил ящик в темноту, из которой пахнуло холодом.

Вадим пошел обратно, обрывая на ходу с кустов громадные ягоды какого-то гибрида. И каждый куст сбрасывал на него заряд холодного крупного дождя.

Надо взять не меньше пяти тахоргов, думал он. Один череп для Пэл Минчин Ричмондской. Пусть знает, что я хороший парень. Один череп маме. Мама череп не возьмет, она человек серьезный, и тогда я подарю этот череп первой девушке, которая пройдет мимо меня на углу Невского и Садовой после десяти утра. Третьим черепом я брошу в Самсона, чтобы умерить его скепсис: он странно вел себя у Нели, когда я рассказывал ей о последнем походе на Пандору. Четвертый череп – Нели, чтобы она верила мне, а не Самсону. А пятый череп я повешу над стереовизором. Он с наслаждением представил себе, как отлично будет выглядеть хорошенькая дикторша под оскаленным черепом чудовища.

Он перенес на «Корабль» четыре больших ящика с живым мясом, восемь ящиков с овощами и фруктами, два мягких тюка с одеждой и еще один большой ящик с подарками для старожилков и с корявой надписью: «Шкатулка для Пандоры».

Где-то за тучами солнце поднималось все выше и выше, становилось жарко. Все вокруг высыхало. Лягушки попрятались в траву. В пустых коттеджах с шелестом распахивались стены. Дядя Саша повесил гамак и разлегся возле своего «колибри» с газетой. Вадим кончил перетаскивать груз и пристроился к кусту крыжовника.

– Итак, вы улетаете, – сказал дядя Саша.

– Угу.

– На Пандору улетаете?

– Ага.

– Вот тут пишут, что заповедник собираются закрыть. На несколько лет.

– Ничего, дядя Саша, – сказал Вадим. – Успеем.

Дядя Саша помолчал и сказал негромко:

– Мне здесь очень скучно будет одному.

Вадим перестал жевать.

– Так мы же вернемся, дядя Саша! Через месяц.

– Все равно. Я на этот месяц вернусь в город. Что я здесь один буду делать в пяти коттеджах? – Он посмотрел на вертолет. – С этим дурачком. Полуживым.

В небе послышалось негромкое фырканье.

– Вон еще один летит, – сказал дядя Саша.

Вадим задрал голову. Невысоко над поселком медленно выплывала восьмерка ярко-красный «рамфоринх». На тощем брюхе четко выделялся белый номер.

– Так-то я тоже могу, – сказал дядя Саша. – А вот вы, голубчик, спикуруйте винтом, и чтобы не боком и не в пруд, а рядом...

«Рамфоринх» улетел. На бетонной дорожке за садом послышалось сопение машины.

– В нашем поселке становится оживленно, – сказал дядя Саша. – Движение как на Невском.

– Это Антон! – Вадим вскочил и побежал к «Кораблю».

Антон загонял машину в гараж. Выйдя из гаража, он рассеянно сказал:

– Все в порядке, Димка. Штурманскую книгу я зарегистрировал, «добро» получил...

– Но? – спросил проницательный Вадим.

– Что – но?

– Я отчетливо слышу в твоей речи «но».

Антон сказал неохотно:

– Я заезжал к Галке. Она не поедет.

– Из-за меня?

– Нет. – Антон помолчал. – Из-за меня.

– М-да, – глубокомысленно сказал Вадим.

Антон спросил:

– А как у нас с погрузкой, суперкарго?

– Все в порядке, шкип. Можно стартовать.

– А как у нас в доме? Прибрано ли?

– В чьем доме?

– Например, в моем?

– Нет, шкип. Виноват, шкип. Я только что кончил грузить, шкип.

Низко над крышами снова пролетел красный «рамфоринх». Антон поглядел.

– Что за притча? – удивился он. – Опять ЦЩ-268. По-моему, я стал объектом пристального внимания. Этот красный «рамфоринх» с бортовым номером ЦЩ-268 гонится за мной с Дворцовой площади.

– Не замешана ли здесь женщина? – осведомился Вадим.

– Не думаю. Никогда еще женщины не гонялись за мной.

– Они могли бы и начать... – сказал Вадим, но тут его осенила новая мысль. – А может быть, это член тайного общества покровителей тахоргов?

«Рамфоринх» снова пролетел над головами и вдруг затих.

– Э, да это к дяде Саше, – сказал Вадим. – Пойдет на запасные органы. Бедный «рамфоринх»! Кстати, ты привез?

– Привез, – сказал Антон, глядя мимо него. – Нет, структуральный суперкарго. Это не к дяде Саше...

Из-за кустов появился высокий костлявый человек в широкой белой блузе и белых брюках. У него было очень смуглое худое лицо с мохнатыми бровями и большие коричневые уши. В руке он держал объемистый портфель.

– Он, – сказал Антон.

– Кто?

– Человек в белом. Он все время бродил около очереди. И смотрел всем в глаза.

– Сейчас я ему объясню, что такое тахорги, – проговорил Вадим, – и он поймет.

Человек в белом подошел вплотную и внимательно осмотрел обоих охотников.

– Вы знаете, что тахорги нападают на людей и иногда серьезно калечат их? – сказал Вадим. – Наносят им серьезные увечья.

– Вот как? – сказал человек в белом. – Тахорги? В первый раз слышу. Впрочем, это не по моей части. Я пришел к вам с просьбой. Здравствуйте. – Он коснулся двумя пальцами виска.

– Здравствуйте, – сказал Антон. – Вы ко мне?

Незнакомец бросил портфель под ноги и вытер со лба пот. В портфеле что-то глухобрякнуло. Это было огромное, битком набитое вместилище, сильно потертое, с огромным количеством ремней и медных застежек. «Портфель» по-японски – «кабан», – подумал Вадим. Японцы правы.

Незнакомец медленно проговорил:

– Да. Я к вам. – Он зажмурился и снова с силой провел ладонью по лицу. – Только, пожалуйста, не спрашивайте, почему именно к вам. Совершенно случайно к вам... Мог к кому-нибудь другому...

– Нам необыкновенно повезло, – весело сказал Вадим. – Просто удивительно, как нам сегодня везет.

Незнакомец поглядел на него без улыбки.

– Капитан вы? – спросил он.

– Я капитан потенциально, – ответил Вадим. – А кинетически я суперкарго и старший специалист по тахоргам... Если угодно, зверовед-аматёр...

Вадима понесло, он уже не мог удержаться. Он должен был во что бы то ни стало вызвать на лице незнакомца улыбку, хотя бы вежливую.

– Кроме того, я второй пилот-аматёр, – говорил он. – Это на тот случай, если у капитана вдруг случится отложение солей или колено горничной...

Незнакомец молча слушал. Антон сказал негромко:

– Очень смешно.

Наступила тишина.

– Как я понял, вы летите на Пандору, – сказал незнакомец. Он смотрел на Антона.

– Да, мы идем на Пандору. – Антон покосился на портфель. – Вы хотите что-нибудь переслать с нами?

– Нет, – сказал незнакомец. – Пересылать мне нечего. У меня совсем другое... У меня есть к вам предложение. Ведь вы едете развлекаться?

– Да, – сказал Антон.

– Если опасную охоту можно считать развлечением, – значительно добавил Вадим.

– Это славный отдых, – сказал Антон. – Турперелет и охота.

– Турперелет... – медленно, словно удивляясь, проговорил незнакомец. – Туристы... Послушайте, молодые люди, вы совсем не похожи на туристов. Вы молодые, здоровые ребята-открыватели... Зачем это вам – обжитые планеты, электрифицированные джунгли, автоматы с газировкой в пустынях? Да что говорить! Почему вам не взять неизвестную планету?

Ребята переглянулись.

– Какую именно планету? – спросил Антон.

– Не все ли равно? Любую. На которой человека еще не было... – Незнакомец вдруг широко раскрыл глаза. – Или таких уже нет?

Он не шутил. Это было совершенно очевидно, и ребята снова переглянулись.

– Почему же? – сказал Антон. – Таких планет сколько угодно. Но мы всю зиму собирались поохотиться на Пандоре.

– Лично я, – подхватил Вадим, – уже раздарил знакомым черепа своих неубитых тахоргов.

– И потом – что мы будем делать на новой планете? – мягко сказал Антон. – Мы не научная экспедиция, мы не специалисты. Вот Вадим лингвист, я звездолетчик, пилот... Мы не сумеем даже составить первичного описания... Впрочем, может быть, у вас есть какая-нибудь идея?

Незнакомец сдвинул мохнатые брови.

– Нет у меня никаких идей, – резко сказал он. – Просто мне нужно на неизвестную планету. И вопрос стоит так: можете вы мне помочь или нет?

Вадим стал застегивать и расстегивать «молнию» на куртке. Тон незнакомца его покорибил: это был не тот тон, к которому Вадим привык. И тем не менее положение было тяжелое. Человеку, который едет развлекаться, трудно спорить с человеком, которому нужно ехать по делу. Аргументов у Вадима не было, и поэтому он совсем было решил придраться к манерам, но тут случилось странное происшествие.

За деревьями залаяла собака. Это был дяди Сашин эрдель Трофим, дряхлый глупый пес с признаками аристократического вырождения и необыкновенно густым голосом. Залаял он скорее всего потому, что на нос ему села оса и он не знал, что с ней делать, но лицо незнакомца вдруг страшно исказилось. Он пригнулся и прыгнул далеко в сторону. Вадим даже не понял, что произошло. Прыгнув, незнакомец выпрямился и нарочито медленными шагами вернулся на место. На лбу у него блестела испарина. Вадим оглянулся на Антона. Лицо Антона было задумчиво-спокойным.

– Ну что ж, – сказал он рассудительно. – Во второй окрестности много желтых карликов с приличными планетами земного типа. Давайте слетаем. Возьмем хотя бы ЕН 7031. Туда уже собирались лететь, да отложили. Показалось неинтересно. Добровольцы не любят желтых карликов – им подавай гиганта, лучше красного... Устроит вас ЕН 7031?

– Да, вполне, – сказал незнакомец. Он уже пришел в себя. – Если только это действительно необитаемая планета.

– Это не планета, – вежливо поправил Антон. – Это звезда. Солнце. Но там есть и планеты. По всей видимости, необитаемые. А как вас зовут?

– Меня зовут Саул, – сказал незнакомец и впервые улыбнулся. – Саул Репнин. Я историк. Двадцатый век. Но я постараюсь быть полезным. Я умею готовить, водить наземные машины, шить, чинить обувь, стрелять... – Он помолчал. – И кроме того, я знаю, как все это делалось раньше. И еще я знаю несколько языков – польский, словацкий, немецкий, немного французский и английский...

– Жалко, что вы не умеете водить звездолет, – вздохнул Вадим.

– Да, жалко, – сказал Саул. – Но это ничего, звездолет умеете водить вы.

– Не вздыхай, Димка, – сказал Антон. – Пора и тебе посмотреть на странные пейзажи безымянных планет. Танцевать в кафе можно и на Земле. Покажи себя там, где нет девушек, воздыхатель...

– Я вздыхаю от восторга, – отозвался Вадим. – В конце концов, что такое тахорги? Громоздкие и всем известные животные...

Саул любезно осведомился:

– Надеюсь, я не вырвал согласие силой? Надеюсь, ваше согласие является в достаточной степени добровольным и свободным?

– А как же, – сказал Вадим. – Ведь что такое свобода? Осознанная необходимость. А все остальное – нюансы.

– Пассажир Саул Репнин, – сказал Антон. – Старт в двенадцать ноль-ноль. Ваша каюта третья, если вы не захотите занять каюту четвертую, пятую, шестую или седьмую. Пойдемте, я вам покажу.

Саул нагнулся за портфелем, и у него из-за пазухи выскользнул и тяжело шлепнулся на траву большой черный предмет. Антон поднял брови. Вадим пригляделся и тоже поднял брови. Это был скорчер – тяжелый длинноствольный пистолет-дезинтегратор, стреляющий миллионвольтными разрядами. Такие предметы Вадим видел только в кино. На всей Планете было не больше сотни экземпляров этого страшного оружия, и оно выдавалось только капитанам сверхдальних десантных звездолетов.

– Какой я неуклюжий, – пробормотал Саул, подобрал скорчер и сунул его под мышку. Затем он поднял портфель и объявил: – Я готов.

Некоторое время Антон смотрел на него, словно собираясь спросить о чем-то. Затем он сказал:

– Пойдемте, Саул. А ты, Вадим, приberi дома и отнеси старику инструмент. Он в багажнике. Я имею в виду, конечно, инструмент.

– Слушаю, шкип, – сказал Вадим и пошел в гараж.

Трудно быть оптимистом, размышлял он. Ведь что есть оптимист? Помнится, в каком-то старинном вокабулярии сказано, что оптимист суть человек, полный оптимизма. Там же, статьей выше, сказано, что оптимизм суть бодрое, жизнерадостное мироощущение, при котором человек верит в будущее, в успех. Хорошо быть лингвистом – сразу все становится на свои места. Остается только совместить бодрое, а равно и жизнерадостное мироощущение с пребыванием на борту тяжело вооруженного лунатика...

Он забрал из багажника скальпель и биоэлементы и направился к дяде Саше. Старик сидел на корточках под красным «рамфоринхом».

– Дядя Саша, – сказал Вадим. – Вот вам новый скальпель и...

– Не надо, – сказал дядя Саша. Он вылез из-под «рамфоринха». – Спасибо. Мне подарили вот это. – Он похлопал «рамфоринха» по полированному боку. – Говорят, он очень живуч, а?

– Подарили?

– Да, один молодой человек, весь в белом.

– Ах, вот как, – сказал Вадим. – Значит, он был уверен, что улетит с нами. Или, может быть, он намеревался прорваться в «Корабль» с боем?

– Что? – спросил дядя Саша.

– Дядя Саша, – сказал Вадим, – вы знаете, что такое скорчер?

– Скорчер? Да, знаю, конечно. Это микроразрядное устройство на ткацких автоматах. Правда, теперь их нет, но, помню, лет семьдесят назад... А что, этот человек в белом тоже старый ткач?

– Может быть, он и ткач тоже, но скорчер у него, дядя Саша, не микроразрядный.

Вадим задумчиво пошел к своему коттеджу. Дома он бросил постельное белье в мусоропровод, переключил хозяйственную автоматику на режим отсутствия и, выйдя на крыльцо, написал карандашом на двери: «Уехал в отпуск. Прошу не занимать». Затем он отправился к Антону. Прибирая Антонов коттедж, он продолжал размышлять. В конце концов, не все потеряно. Тахорги, надо признаться, уже основательно приелись. Пандора, если говорить честно, – это всего-навсего очень модный курорт. Можно только удивляться, как я там высидел три сезона. Какой стыд, подумал он вдруг с энтузиазмом. Ведь было время, когда я хвастался ожерельем из зубов тахорга и разводил несусветную пандориану! Швырять в Самсона черепом тахорга – какая банальность! Самсон достоин большего, и Самсон будет увековечен. Незвестная планета – это неизвестная планета. По неизвестной планете бродят неизвестные звери. Они, бедняги, еще не знают, как их зовут. А я уже знаю. Там я добуду первого в истории «самсона непарноногого перепончатоухого» или, скажем, «самсона неполнозубого гребенчатозадого»... Запустить в Самсона черепом самсона – такого еще не было.

Когда он вернулся на лужайку, «Корабль» был готов к старту. Верхушка его больше не следила за солнцем, иней на траве вокруг исчез.

Вадим удобно устроился в люке, свесив ногу. Он смотрел на Антонов коттедж с распахнутой стеной, на зеленые кроны сосен, на низкие облака, в которых то появлялись, то исчезали голубые проталины. Да, друг Самсон, непарноногий брат мой, мстительно подумал он. Может быть, ты и не плох против какого-нибудь библейского льва, но где тебе тягаться со структуральным лингвистом... Но что забавно: мне бы и в голову не пришло тащиться отдыхать на неизвестную планету, если бы не этот старик в белом. До чего же мы косный народ, даже лучшие из структуральных лингвистов! Вечно нас тянет на обжитые планеты...

На лужайку вышел эрдель Трофим. Он помигал на Вадима добрыми слезящимися глазами, зевнул, сел и принялся чесать задней ногой у себя за ухом. Жизнь была прекрасна и многообразна. Вот Трофим, подумал Вадим. Стар, глуп, добр, но – смотрите-ка! – может еще напугать... А может быть, все лунатики боятся собачьего лая. Вадим уставился на Трофима. А почему я, собственно, решил, что Саул Репнин лунатик или как это там называлось?.. Зачем такое искусственное предположение? Проще предположить, что историк Саул никакой не историк, а просто соглядатай какой-нибудь гуманоидной расы у нас на планете. Как Бенни Дуров на Тагоре... Это было бы славно – целый месяц неизвестных планет и таинственных незнакомцев... И как все отлично объясняется! Самостоятельно с Земли он выбраться не может, собак он боится, а на неизвестную планету ему нужно, чтобы за ним туда прислали корабль – на нейтральную, так сказать, почву. Вернется он к себе и расскажет: так, мол, и так, люди они хорошие, полны оптимизма, и завяжутся у нас с ними нормальные гуманоидные отношения...

Вадим спохватился и крикнул в коридор:

– Антон, я на борту!

– Наконец-то, – откликнулся Антон. – Я было решил, что ты дезертировал.

Из-за деревьев, безобразно крутя хвостом, появился тощий красный «рамфоринх» и, неестественно завывая, начал описывать вокруг «Корабля» круг почета. Дядя Саша, откинув дверцу, махал чем-то белым. Вадим помахал в ответ.

– Старт! – предупредил Антон.

«Корабль» пошевелился и, мягко подпрыгнув – Вадим успел оттолкнуться от земли ногой, – стал подниматься в небо.

– Димка! – крикнул Антон. – Закрой-ка люк! Сквозняк.

Вадим в последний раз помахал дяде Саше, поднялся и зарастил люк.

II

Антон передал управление на киберштурман и, сложив руки на животе, задумчиво глядел на обзорный экран. «Корабль» шел на север по меридиану. Вокруг было густо-фиолетовое небо стратосферы, а глубоко внизу белела мутная пелена облаков. Пелена эта казалась гладкой и ровной, и только кое-где угадывались провалы исполинских воронок над макропогодными станциями – синоптики, пролив над Северной Европой дождь, загоняли облака в ловушки.

Антон размышлял над странностями человеческими. Он вспоминал странных людей, с которыми встречался. Яков Осинковский, капитан «Геркулеса», терпеть не мог лысых. Он их просто презирал. «А вы меня не убеждайте, – говорил он. – Вы мне лучше покажите лысого, чтобы он был настоящим человеком». Наверное, с лысыми у него были связаны какие-то нехорошие ассоциации, и он никогда никому не говорил, какие. Он не переменялся даже после того, как начисто облысел сам во время сарандакской катастрофы. Он только восклицал с заметной горечью: «Единственный! Заметьте, единственный среди них!»

Вальтер Шмидт с базы «Гаттерия» так же странно относился к врачам. «Врачи... – цедил он с неприличным презрением. – Знахарями они были, знахарями и останутся. Раньше была пыльная паутина и гнилая змеиная кровь, а теперь психодинамическое поле, о котором никто ничего не знает. Кому какое дело до того, что у меня внутри? Головоногие живут по тысяче лет безо всяких врачей и до сих пор благополучно остаются владыками глубин...»

Волкова звали Дредноут, и он был этим очень доволен: Дредноут Адамович Волков. Канэко никогда не ел горячего. Ралф Пинетти верил в левитацию и упорно тренировался... Историк Саул Репнин боится собак и не хочет жить с людьми. Я не удивлюсь, если окажется, что он не хочет жить с людьми именно потому, что боится собак. Странно, правда? Но он от этого не станет хуже.

Странности... Нет никаких странностей. Есть просто неровности. Внешние свидетельства непостижимой тектонической деятельности в глубинах человеческой природы, где разум насмерть бьется с предрассудками, где будущее насмерть бьется с прошлым. А нам обязательно хочется, чтобы все вокруг были гладкие, такие, какими мы их выдумываем в меру нашей жиденькой фантазии... чтобы можно было описать их в элементарных функциях детских представлений: добрый дядя, жадный дядя, скучный дядя. Страшный дядя. Дурак.

А вот Саулу нисколько не странно, что он боится собак. И Канэко не кажется странным, что он не терпит ничего горячего. Так же, как и Вадиму никогда в голову не придет, что его дурацкие стишки кое-кому кажутся не забавными, а странными. Галке, например.

Возьмем теперь меня. Вот я собрался было на Пандору. Если бы об этом узнал, скажем, капитан Малышев, он бы с изумлением на меня посмотрел и сказал: «Если ты собираешься отдыхать, то лучшего места, чем Земля, тебе не найти. А если ты решил поработать, то возьми черную систему ЕН 8742, которая стоит на очереди в плане, или возьми гиганта ЕН 6124 – им почему-то интересуются специалисты на Тагоре». И Малышев был бы прав. И чтобы Малышев меня понял и перестал смотреть с изумлением, пришлось бы сказать, что я соскучился по Димке и что Димка хочет стрелять тахоргов.

Антон усмехнулся. Зачем так сложно? Просто теперь все летают на Пандору, и однажды Галка сказала мне, что слетала бы туда. Так организуются в наше время перелеты. И так легко меняются планы. А мог бы я признаться Малышеву, что все дело в Галке? Почему человек никак не научится жить просто? Откуда-то из бездонных патриархальных глубин все время ползут тщеславие, самолюбие, уязвленная гордость. И почему-то всегда есть что скрывать. И всегда есть чего стесняться.

Антон посмотрел на букетик гвоздик, лежащий перед экраном. Эх, Галка, подумал он. Он подышал на пульт и написал пальцем на исчезающем матовом круге: «Эх ты, Галка...»

Буквы быстро растаяли, он даже не успел поставить восклицательный знак. Тогда он еще раз подышал на пульт и поставил восклицательный знак отдельно. Потом он снова откинулся в кресле и в сто первый раз попытался логически решить задачу: «Я люблю девушку, девушка меня не любит, но относится хорошо. Что делать?»

Что, собственно, изменилось бы, если бы она меня полюбила? Можно было бы обнимать ее и целовать. Можно было бы быть все время вместе с ней. Я бы гордился. Все, кажется. Глупо, но все. Просто исполнилось бы еще одно желание. Как все это убого выглядит, когда рассуждаешь логически! А по-другому рассуждать я не умею. Пустой я человек, циник. Он увидел Галку, как она говорит, – немного через плечо, и глаза у нее прикрыты ресницами... Почему все устроено так глупо: можно спасти человека от любой неважной беды – от болезни, от равнодушия, от смерти, и только от настоящей беды – от любви – ему никто и ничем не может помочь... Всегда найдется тысяча советчиков, и каждый будет советовать сам себе. Да и потерпевший-то, дурак, сам не хочет, чтобы ему помогли, вот что дико.

– Позвольте, однако же, куда вы? – громко спросил Саул.

– В рубку, – ответил Вадим.

– Подождите! Ведь мы, по существу, еще не познакомились...

Дверь в рубку была открыта. Антон все время краем уха слышал, как в кают-компании бубнят что-то о тахоргах, о зарослях и о теории исторических последовательностей. Теперь он стал слушать внимательней.

– Ведь вас, кажется, зовут Вадим? – сказал Саул.

– Как правило, – серьезно ответил Вадим. – Но иногда меня зовут Структуральнейшим, иногда Летящим Быком, а в специальных случаях – Димочкой.

– Стало быть, Вадим... И сколько же вам лет?

– Двадцать два локально-земных...

– Локально... Ну да, разумеется... Как вы сказали? Локально-земных?

– Да. В старых звездных я не участвовал.

– Совершенно верно. Я так и думал. А отец ваш, извините, кем будет?

– Кем будет? Наверное, так и останется мелиоратором.

– Э-э... Понимаю, понимаю... Я это, собственно, и имел в виду.

Наступила пауза.

– Очень изящный стол, – стесненно сказал Саул.

Снова пауза.

– Стол хороший. Прочный.

– А мамаша ваша?

– Мамаша? Она у меня... это... стационарный смотритель. Работает на мезоядерной станции.

Было слышно, как Саул нервно забарабанил по столу пальцами.

– Не надо так, Вадим, – попросил он. – Вы не должны обращать на это внимания...

Конечно, я странно говорю, и это, вероятно, смешно немножко... Здесь, видите ли, вот какое дело... Мой образ жизни... Мой, так сказать, модус вивенди... Я узкий специалист. Весь в двадцатом веке. Как говорилось когда-то, книжный червь. Вечно в музеях, вечно со старыми книгами...

– Влияние обстановки.

– Да-да, вот именно. Я редко бываю на людях, а теперь вот пришлось. Вы знаете профессора Арнаутова?

– Нет.

– Очень крупный специалист. Мой идейный противник. Он попросил меня проверить некоторые аспекты его новой теории. Ведь я не мог не согласиться, правда? Вот так мне и

пришлось... покинуть пенаты. Вот... Но что это мы все обо мне да обо мне!.. Вы, кажется, структуральный лингвист?

– Да.

– Интересная работа?

– А разве бывает неинтересная работа?

– Да, конечно... И чем же вы занимаетесь?

– Я занимаюсь структурным анализом. Но учтите, Саул, я отрешился от земного. Давайте я расскажу вам еще что-нибудь про тахоргов.

– Да нет, благодарю вас, про тахоргов не надо. Лучше расскажите, как вы работаете.

– Саул, я же сказал, что отрешился.

– Ну как же это так – отрешился? Что же, вы теперь совсем не думаете о работе?

– Наоборот. Все время думаю. Я всегда думаю о той работе, которой занят в данный момент. Сейчас я суперкарго и второй пилот – это на тот случай, если у Антона вдруг случится отложение солей. Впрочем, об этом я, кажется, уже... Так вот, мне сейчас очень хочется пойти и немножко поводить «Корабль».

– Да вы еще успеете поводить! И потом я прошу рассказать не о сущности вашей работы, а о внешней форме, так сказать... Вот вы приходите на работу. Обычные трудовые будни...

– Хорошо. Будни. Я ложусь на вычислитель и думаю.

– Ну-ну... Постойте – на вычислитель? Ну да, понимаю. Вы лингвист, и вы ложитесь на... И что же дальше?

– Час думаю. Другой думаю. Третий думаю...

– И наконец?..

– Пять часов думаю, ничего у меня не получается. Тогда я слезаю с вычислителя и ухожу.

– Куда?!

– Например, в зоопарк.

– В зоопарк? Отчего же в зоопарк?

– Так. Люблю зверей.

– А как же работа?

– Что ж работа... Прихожу на другой день и опять начинаю думать.

– И опять думаете пять часов и уходите в зоопарк?

– Нет. Обычно ночью мне в голову приходят какие-нибудь идеи, и на другой день я только додумываю. А потом сгорают вычислитель.

– Так. И вы уходите в зоопарк?

– При чем здесь зоопарк? Мы начинаем чинить вычислитель. Чиним до утра.

– Ну, а потом?

– А потом кончаются будни и начинается сплошной праздник. У всех глаза на лоб, и у всех одно на уме: вот сейчас все застопорится, и начинай думать сначала.

– Ну, ладно. Это будни. Однако же нельзя все время работать...

– Нельзя, – сказал Вадим с сожалением. – Я, например, не могу. В конце концов заходишь в тупик, и приходится развлекаться.

– Как?

– Как придется. Например, гоняю на буерах. Вы любите гонять на буерах?

– Э-э... Мне как-то не приходилось.

– Что же вы, Саул! Я вас обязательно покатаю. Какой у вас индекс здоровья?

– Индекс здоровья? Я вполне здоров. А над чем вы теперь работаете?

– Над свертками разобщенных структур.

– А зачем это нужно?

– Что значит – зачем?

– Ну, кому от этого будет польза?

– Каждому, кто этим заинтересуется. Вот сейчас проектируют универсальный транслятор. Универсальный транслятор должен уметь свертывать разобщенные структуры.

– Скажите, Вадим, а здесь, на «Корабле», можно послушать музыку?

– Конечно. Что бы вы хотели? Хотите «Трели» Шеера? Под эту музыку изумительно ведется «Корабль».

– А Бах?

– О, Бах! По-моему, у нас есть и Бах. Слушайте, Саул, а ведь с вами, наверное, слушать музыку будет очень приятно.

– Почему?

– Не знаю. Всегда приятно слушать музыку с человеком, который хорошо ее знает. Мендельсона вы любите?

– Вы знаете Мендельсона?

– Саул! Мендельсон – это лучший из старых! Я надеюсь, вы любите Мендельсона. Правда, его плохо слушать в «Корабле». Вы меня понимаете?

– Пожалуй... Я слушаю Мендельсона в своем уютном кабинете.

Разговорились наконец, подумал Антон. Он взглянул на часы. «Корабль» входил в стартовую зону над Северным полюсом. На экране в фиолетовой глубине возникли темные точки звездолетов, ожидающих старта. Антон крикнул в дверь:

– Простите, что прерываю. Скоро старт. Димка, покажи Саулу, как пользоваться безынерционной камерой.

Антон послал на контрольную станцию запрос о программе предстоящего перелета и через тридцать минут, в течение которых «Корабль» плывал в стратосфере вместе с двумя десятками других больших и малых звездолетов, получил программу на переход, семь вариантов программы обратного пути и разрешение на выход в Подпространство. Тогда он попросил пассажиров укрыться в камерах, вошел в камеру сам, произвел переключку и дал «Кораблю» команду на старт.

Как всегда, Антона сильно затошнило. Через все тело прошла раскаленная волна, лицо и спина покрылись холодным потом. Антон осоловелым взглядом следил, как красная стрелка рывками прыгает по шкале, отмечая стремительно меняющуюся кривизну пространства. Двести риманов... четыреста... восемьсот... тысяча шестьсот риманов на секунду... Пространство вокруг «Корабля» скручивалось все туже. Антон знал, как это выглядит со стороны. Четкий черный конус «Корабля» становится зыбким, медленно тает и вдруг исчезает совсем, а на его месте вспыхивает на солнце огромное облако твердого воздуха. Температура на сто километров вокруг резко падает на пять-десять градусов... Три тысячи риманов. Огненная стрелка остановилась. Эпсилон-деритринитация закончилась, и «Корабль» перешел в состояние Подпространства. С точки зрения земного наблюдателя он был сейчас «размазан» на протяжении всех полутора парсеков от Солнца до ЕН 7031. Теперь предстоял обратный переход.

При выходе из Подпространства всегда существует опасность оказаться слишком близко к какой-нибудь тяготеющей массе, а может быть, даже и внутри нее. Правда, опасность эта является чисто теоретической. Вероятность ее гораздо меньше вероятности угодить точно в печную трубу Эрмитажа, вывалившись над Ленинградом из стратоплана. Во всяком случае, ни то, ни другое событие ни разу не имело места за всю историю человечества. «Корабль» Антона благополучно выскочил в нормальное пространство на расстоянии двух астрономических единиц от желтого карлика ЕН 7031.

Антон отдышался, вытер пот со лба и вышел из камеры. В рубке все было в порядке. Он прошелся вдоль пульта, скользнул взглядом по обзорному экрану, затем выключил автоматику перехода. На пульте перед экраном по-прежнему лежал букетик гвоздик. Антон остановился. «Жалко», – пробормотал он. Он коснулся букетика пальцем, и цветы рассыпались в зеленова-

тую пыль. «Бедняги, – подумал Антон. – Не выдержали. Да и кто выдержит?» Он вспомнил о пассажирах и спустился в кают-компанию.

Зал кают-компания был круглый, сюда выходили двери всех восьми кают и люк в нижний этаж, где были кладовые, кухня-синтезатор, душ и прочее. Антон оглядел стол, кресла, поправил крышку мусоропровода и направился в каюту Вадима. Там он отодвинул заслонку камеры, и Вадим вывалился на него. Он был белый и мокрый, как мышь.

– Плохо? – участливо спросил Антон.

Вадим грудным голосом пропел:

Воет ветер дальних странствий,
Раздается жуткий свист —
Это вышел в Подпространство
Структуральнейший лингвист.

Впрочем, он сейчас же откинул диван и сел.

– Вот почему я не стал звездолетчиком, – сказал он немного хрипло и прилег.

– Каждый раз ты это говоришь, – сказал Антон. Вадим промолчал. – Пойду освобожу Саула, – сказал Антон.

– Ты слышал нашу беседу? – спросил Вадим, не открывая глаз.

– Да.

– Интересный человек, а?

– Не знаю, – сказал Антон. – По-моему, он человек в беде.

– Еще бы! Другого бы ты на «Корабль» не взял. Стоит нам собраться куда-нибудь вдвоем, как ты начинаешь альтруировать. Постой, не уходи...

Антон остановился в дверях.

– Ты несешь болезненную чепуху, – сказал он, – а Саулу там сейчас, наверное, плохо. Это трудно представить, но он, я думаю, еще более хилый межпланетник, чем ты.

Вадим неожиданно вскричал трагическим шепотом:

– Слепец! О слепец!.. Нет, не уходи – мне тоже плохо... Неужели ты еще не понимаешь, кто он?!

– Что ты имеешь в виду?

Вадим, наконец, сел.

– Он же ничего не смыслит в лингвистике, – сказал он. – Надеюсь, это ты заметил?

– А что ты понимаешь в истории?

– Ты мне еще скажи, что он книжный червь. Мы все знаем одного такого червя. Его зовут Бенни Дуров. Поговори о нем с тагорянами.

Антон нехотя улыбнулся.

– Ладно, – сказал он. – Только ты все-таки воздерживайся. Я-то тебя переносу в любых дозах, а вот на свежего человека ты иногда производишь совершенно удручающее впечатление. Поменьше жеребячьего оптимизма и побольше такта.

– Слушаю, шкип, – серьезно сказал Вадим. – Есть, шкип.

Антон вышел. Огибая стол, он опять улыбнулся: с Вадимом не соскучишься. В каюте номер три он прежде всего откинул диван и только тогда откатил заслонку, готовясь подхватить падающее тело. Вместо этого из камеры повалил синий дым. Антон отпрянул.

– Что, разве уже? – раздался из клубов дыма голос Саула.

Антон взглянул. Саул сидел на своем портфеле, поставленном на попу, и курил длинную черную трубку. Вид у него был рассеянный и благодушный.

– Вас не тошнит? – спросил Антон, попятился и сел на диван.

– Отнюдь нет. Что, можно выходить?

– Прошу вас, – сказал Антон.

Саул поднялся, взял портфель и, наклонясь, вышел из камеры.

– Мы почти на месте, – сказал Антон. – Остается только выбрать планету и решить, где высадиться.

Саул сел рядом с ним.

– Мы далеко от Земли? – спросил он.

– Полтораста парсеков. Почти на пределе для нашего «Корабля».

Вадим заорал из своей каюты:

– Саул! Требуйте землеподобную планету! В скафандре вам не понравится, а кислородная маска – это еще туда-сюда...

Антон встал и плотно прикрыл дверь.

– Мне все равно, какую планету, – тихо сказал Саул. – Но, конечно, лучше такую, где можно дышать. – Он вдруг усмехнулся. – Это очень важно, чтобы можно было дышать. – Антон внимательно смотрел на него. – Но самое важное – чтобы там никого не было...

– Вот что, Саул, – сказал Антон. – Планету мы вам найдем. Это пустяки. У нас на борту есть жилой купол на шесть человек, есть глайдер, есть запас пищи для инициирования цикла, есть хорошая радиостанция. Мы поможем вам устроиться и сейчас же уйдем. Хорошо?

Саул сидел, опустив голову.

– Да, – сказал он хрипло. – Так будет лучше всего. Наверное.

– Ну, вот и хорошо. – Антон толкнул дверь. – Я пойду в рубку, а вы... Если захотите, тоже приходите в рубку.

В рубке Антон включил бортовой каталог и просмотрел сведения о системе ЕН 7031. Сведения были неинтересные. Вокруг желтого карлика крутились четыре планеты и два пояса астероидов. Пожалуй, больше всего подходила вторая планета: она была землеподобна и находилась на расстоянии полутора астрономических единиц от своего солнца. Антон подал эфемериду на киберштурман.

Из кают-компания доносились голоса.

– Как вы перенесли переход, Саул?

– Какой переход? Я не заметил никакого перехода.

– Я так и думал.

– Что?

– Что вы не заметите. Хотите душ?

– Нет. Нам долго еще?

– Наверное, нет. Чувствуете? – «Корабль» шевельнулся, и пол поплыл из-под ног. – Это он ложится на курс. Пойдемте в рубку, а?

– А мы не помешаем?

– Конечно, нет. Мы же туристы. Вот в десантном или рейсовом звездолете нас бы не пустили... Зачем вы носите с собой портфель?

– Он мне дорог...

– Тогда не ставьте его на крышку мусоропровода.

Антон внимательно рассматривал изображение планеты на обзорном экране. Планета была голубая, как Земля, покрытая белой пеленой облаков, но очертания материков были незнакомые – один большой материк тянулся вдоль экватора, другой, поменьше, тяготел к полюсу.

– Вот ваша планета, Саул, – сказал Антон и взял листок, выпавший из вывода антенно-анализатора. – Прекрасная планета. Сжатия нет. Сутки – двадцать восемь часов, масса – один и одна десятая. Вредных газов тоже нет. Кислорода много. Маловато углекислоты, но пусть это вас не беспокоит.

Он поглядел на Саула. Саул смотрел на свою планету с каким-то странным выражением. Мохнатые брови его поднялись дугами, и Антону показалось даже, что он может заплакать. Антон был тронут.

– Товарищи! – сказал вдруг Вадим. – Давайте назовем эту планету Саулой.

– Нарекается Саулой! – сказал Антон.

Он пригнул к себе раструб бортового дневника и продиктовал:

– Юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь. Вторая планета системы ЕН 7031 нарекается Саулой, по имени члена экипажа историка Саула Репнина.

Все это не имело ровно никакого значения. Планеты нарекались по названиям кораблей и городов, по именам любимых литературных героев, названиями приборов и просто громкими звукосочетаниями. А у кого не хватало фантазии, тот брал какую-нибудь книгу, открывал на какой-нибудь странице, выбирал какое-нибудь слово и как-нибудь его переделывал. И тогда получалось что-нибудь вроде Смеховины, Подраки или Бровии.

Но Саул был растроган необычайно. Он бормотал: «Спасибо, спасибо, друзья», – и жал Вадиму руку. Это было очень трогательно.

А между тем планета росла. Когда на экране остался только материк, растопырившийся вдоль экватора, Антон спросил:

– Так где же мы будем высаживаться, Саул?

Саул ткнул пальцем почти в центр материка. Антону показалось, что он сделал это зажмурившись.

– Това-арищи, – протянул Вадим, – давайте поближе к побережью.

Было ясно, что ему хочется искупаться. Искупаться в океане Саулы, в волнах, которые не омывали еще ни одного землянина, которые не омывали, может быть, вообще ни одно разумное существо.

– Н-ну... К побережью так к побережью, – неуверенно сказал Саул. Он посмотрел на Антона. – Для моих целей, – он кашлянул, – выбор места не является существенным.

– Чудесно! – сказал Вадим. Он проворно уселся в кресло рядом с Антоном. – Хватит! – заявил он. – Капитана разбил паралич, и он в дурном состоянии отнесен в каюту. Широкоплечий и статный второй пилот взял управление на себя. – Он положил пальцы на контакты биоуправления, и «Корабль» сейчас же повалился в пропасть. Материк на экране стал тошнотворно поворачиваться. Вадим провозгласил:

Все от ужаса рыдает
И дрожит как банный лист!
Кораблем повелевает
Структуральнейший лингвист.

Саул с шумом уронил портфель и вцепился Антону в плечо.

– Димка, скажи хоть, куда ты целишься, – попросил Антон.

– Туда, – смутно ответил Вадим. – Где синие волны ласкают песок.

«Корабль» завалило на правый борт.

– Легче, легче, – сказал Антон. – Меньше эмоций. В материк не попадешь.

– Авось попаду.

– Тормоза! Ты же видишь – заносит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.